

БАЛАНС СИЛ

ЛЕА ЛЕОН

Леа Леон

Баланс сил

«Автор»

2026

Леон Л.

Баланс сил / Л. Леон — «Автор», 2026

Катастрофа в прошлом. Остался лес: заражённые, мутанты и люди —
одиночки или банды. У неё была лиса. У него — дом. Дальше — только
дорога. Семь историй — семь отрезков одной дороги.

© Леон Л., 2026

© Автор, 2026

Леа Леон

Баланс сил

ЧАСТЬ 1. ТЕНЬ НАД ПРУДОМ

Заброшенный пруд я нашла ещё месяц назад, случайно, петляя в поисках короткой дороги. Место тихое, забытое — ни следов, ни звуков, которых стоило бы бояться. По крайней мере, так казалось тогда.

Дорога к нему заросла так сильно, что ветки старого малинника всю дорогу скребли по бортам моей старенькой «Нивы», издавая противный, режущий уши скрежет. Машина была моей верной спутницей в этом сошедшем с ума мире, но даже её выносливости едва хватило, чтобы преодолеть размытую лесную колею. Когда я наконец заглушила мотор, тишина навалилась сразу, густая, почти осязаемая. Я выключила фары, и мир вокруг мгновенно сузился до размеров лобового стекла, за которым стояла сплошная стена векового, глухого леса.

Я приехала сюда с одной целью — половить рыбу, немного отвлечься от вечного, выжигающего нервы напряжения, да и просто выдохнуть. В последние месяцы выживание превратилось в бесконечный бег по кругу, и эта ночь должна была стать моей личной передышкой. Тихой гаванью посреди хаоса.

Я глубоко натянула капюшон куртки, защищаясь от сырого ночного воздуха, и прислушалась к лесу. Ничего. Ни птиц, ни шелеста листвы. Вода в пруду стояла тяжёлой, чёрной

гладью, в которой тонуло отражение бледной луны. Лишь изредка, где-то у самого камыша, лениво всплёркивала крупная рыба, пуская по воде едва заметные круги.

Этот звук убаюкивал. Я, стараясь не шуметь, устроилась поудобнее на валуне. С трудом удерживая зевоту, уставилась на едва различимый в темноте поплавок. Тишина предательски усыпляла бдительность. Глаза неудержимо начали закрываться, как вдруг я почувствовала движение.

Оно было едва уловимым — словно заколыхался сам воздух, который секунду назад был абсолютно неподвижен. Волосы мгновенно встали дыбом. Сердце ухнуло куда-то в пятки, пропустив удар.

Это не те твари, что запленили мир — те всегда хрипят, тяжело шаркают, ломают ветки или издают хоть какие-то звуки. От них всегда пахнет гнилью и мертвечиной за несколько метров. Здесь была лишь хищная, звенящая пустота, стремительно приближающаяся ко мне.

Развернуться я не успела.

Мощный удар в левое плечо сбил меня с ног, напрочь выбивая воздух из лёгких. С криком от резкой боли, упав с валуна, я инстинктивно перекатилась вбок. Тело среагировало раньше разума, и это спасло мне жизнь — в следующую секунду туда, где я только что сидела, с глухим стуком приземлилось что-то тяжёлое.

Чёрт, что это вообще такое?!

Выдох. Вдох. Адреналин обжигающим током ударил в виски, начисто стирая боль в плече. Пальцы на ощупь скользнули по ремню, выхватывая винтовку. Хватило бы и пистолета — но об этом я подумаю потом. Сейчас секунды решали всё.

В прицеле замерла тень. Сгусток яростного движения. Огромный силуэт на четырёх лапах, вздыбленный заливной, клочья облезлой шкуры. И глаза. Они не просто отражали редкий лунный свет, как у обычных зверей. Они горели изнутри тусклым, больным, фосфорным блеском, выжигая темноту.

Тварь зарычала. Понизу, глухо, со свистящим, булькающим клокотанием в изуродованном горле. Из пасти на траву капала густая слюна, слабо светящаяся в ночи.

Я сжала зубы, поймала точку между ушей зверя и плавно нажала на спуск.

Выстрел разорвал ночную глушь, эхом покотившись над чёрной гладью пруда. Отдача толкнула в плечо. Тяжёлое тело хищника дёрнулось в воздухе, словно наткнулось на невидимую стену, и грузно осело на примятую траву.

Несколько секунд я не опускала ствол, тяжело дыша и ловя мушкой малейшее движение туши. Но зверь был мёртв. Медленно, шаг за шагом, не убирая палец со спускового крючка, я начала подходить к поверженному врагу. Под сапогами тихо хрустела сырая трава. Ветра не

было, вокруг снова воцарилась мёртвая тишина, но по моей спине пробежал ледяной, могильный холодок.

Стая. Всегда стая.

Почему он был один?

ЧАСТЬ 2. ЛИСИЙ ДАР

Тихий, почти вязкий воздух наполнял лес. Редкие порывы ветра шелестели верхушками деревьев, а где-то вдалеке раздавался глухой рёв.

Я замерла, прислушиваясь. Олень. Близко.

Сердце забило быстрее.

В животе привычно заурчало от голода. Еды оставалось совсем мало, старые запасы подъедены, а выходить на промысел становилось труднее с каждой неделей. Приближалась зима, лес становился всё более чужим и опасным. И дело было не в холоде. Из-за расплодившихся мутантов, обычное зверье изменило повадки — днём всё живое забивалось в непроходимые чащи и выходило кормиться только глубокой ночью. Охотиться приходилось в темноте, на свой страх и риск, соревнуясь за добычу с тварями. Патроны нужно было беречь, каждый выстрел буквально стоил жизни. Ошибиться

нельзя.

Я побежала вперёд, пробираясь между деревьями. Небо, ещё недавно раскрашенное багровыми полосами заката, темнело с пугающей скоростью.

«Успею», — самонадеянно подумала я, вскидывая винтовку. Налобный фонарик, да дрожащая красная точка коллиматора — вот и всё, что служило мне опорой в этой сгущающейся тьме.

Следы зверя выдавали направление: примятая трава, редкие клочки меха, лёгкий хруст веток впереди. Я замедлила шаг, переводя дыхание. Выждать. Охота — не погоня.

Фигура оленя мелькнула в прицеле — неясный силуэт, сливающийся с наступающей тьмой. Мгновение, ровное дыхание... Выстрел эхом разнёсся по лесу. Олень вскинулся, прыгнул в сторону, скрылся в зарослях.

— Чёрт... — прошептала я. Минус один дефицитный патрон. Нужно обязательно найти оленя.

Слабый, тусклый луч фонарика едва пробивал темноту, выхватывая всего метр перед собой. Я поспешила вперёд, надеясь на удачу. Где-то здесь. Должен быть здесь. Круг за кругом, шаги всё быстрее, дыхание тяжелее. Лес будто насмехался, поглощая меня всё глубже в свою чёрную утробу.

«Ну не мог же он просто исчезнуть?!»

Упрямство заставило продолжить поиски, хотя зверь как сквозь землю провалился. Я пробежала ещё несколько метров и вдруг замерла.

Впереди, на поляне, темнел силуэт оленя. «Вот ты где, красавец» — подумала я, вскидывая винтовку. И тут я поняла — что-то было не так.

Олень стоял совершенно неподвижно, не прыгал ушами, не вертел головой — будто из него разом вынули всё, что заставляет двигаться.

Что за... Я посмотрела туда, куда был прикован неподвижный взгляд жертвы. В темноте светились две точки — ровные, немигающие, будто кто-то зажёл два бледно-жёлтых огонька.

Фосфоресцирующие глаза. Мутант. Смутные очертания огромной, ошетилившейся туши полностью сливались с ночью.

Пока морок держался на олене, тварь меня не замечала. Я была всего лишь тенью на краю его поля зрения — пока.

Сердце заколотилось чаще, отдаваясь в ушах. Тишина вокруг вдруг стала неправильной — ни шороха ветра, ни шелеста листвы, будто лес затаил дыхание вместе со мной.

Раздумывать было некогда.

Олень — это еда на неделю. Мутант, если доберётся до меня, — это конец всему. Я совместила красную точку коллиматора со светящимся призрачным глазом и нажала на спуск, не давая себе времени передумать.

Грохот разорвал тишину. Тварь взвыла — низко, утробно — и рухнула в кусты, ломая ветки... Тишина.

Хватка, державшая оленя, лопнула в тот же миг: он дёрнулся, будто очнувшись от кошмара, и одним прыжком исчез в темноте, только его и видели.

Я осталась одна на поляне с бешено колотящимся сердцем — без добычи.

Адреналин отхлынул разом, ноги вдруг стали ватными, колени задрожали так, что я не устояла и опустилась прямо в мокрую траву. Дыхание рвалось из груди короткими, неровными толчками.

«Отлично, — подумала я с горькой усмешкой. — Просто отлично. Два патрона и оба — впустую».

И тут я услышала шорох — осторожный, лёгкий. Я потянулась за ножом. Из темноты, неспешно, вышла... лиса. В зубах она тащила что-то тяжёлое. Гусь! Редкая, невероятная добыча.

Лисица остановилась в паре метров, положила птицу на землю и села, склонив голову набок. Мы смотрели друг на друга. Зверь изучающе взвешивал что-то в своей голове, а я не могла шевельнуться от изумления.

— Это... мне? — сорвался с губ шёпот.

Лиса моргнула, тряхнула головой и бесшумно растворилась между деревьями. Я осталась сидеть в траве, глядя то на упитанную птицу, то на пустую темноту. Осознанный ли это был жест или всего лишь инстинкт зверя — сейчас это было уже не важно.

Из глаз вдруг брызнули слёзы — то ли от пережитого страха, то ли от неожиданного спасения.

Впервые за долгое время я плакала не от отчаяния.

ЧАСТЬ 3. ДОМИК ЗА РЕЧКОЙ.

Последний кусок лисьего гуся был съеден на днях. Вместе с остатками мяса ушло и относительное тепло — на лес стремительно навалилась зима.

Одной выживать в глуши — это каждый день балансировать над пропастью. Дров вокруг хватало, а вот заветный коробок со спичками опустел почти полностью. Оставалось всего три

штуки. Без огня, в надвигающихся морозах, ловить было нечего. Это всё моя самонадеянность, плюс — обманувшая зажигалка — полная, но отказавшаяся работать.

Сидя у остывающей печки, я вспоминала последние недели. После той странной встречи на поляне, жизнь удивительным образом изменилась. Моя рыжая спасительница не ушла. Она стала регулярно приходить к моему жилищу, а позже — сопровождать на замерзающую речку ловить рыбу. Она только-только превращалась из неуклюже долговязого лисёнка в изящную Лисёну. Так я её, недолго думая, и назвала.

Я была беспредельно счастлива иметь такую компанию в этом суровом мире. Лисёна, несмотря на молодость, была невероятно умной и осторожной. Мы понимали друг друга без слов. Случалось, на берегу речки мы обе замирали, уловив чужой шаг и громкое дыхание, а затем синхронно, бесшумно отползали в кусты от очередного мутанта, завидевшего добычу. В такие минуты мы были на одной волне — две одинокие души, пытающиеся уцелеть. Ловлей занималась я и отдавала ей лучшую рыбу, чувствуя, как внутри оттаивает лед одиночества.

Но одной рыбой сыт не будешь, да и без костра её скоро придется грызть замороженной.

На вылазку я решилась глубокой ночью. Цель была безумной, но манящей — одинокий домик за рекой, чуть дальше нашего с лисой тайного места рыбалки. Последнюю неделю оттуда вовсю клубился печной дым, вызывая у меня острую зависть.

Обитатель дома явно не боялся зараженных — этим бездумным тварям было плевать на холод и жару, их гнал вперед только вечный, неистребимый голод. Но к обитаемому дому зараженные не совались — значит, там сидел кто-то по-настоящему опасный. Живой человек.

Но нынче человек человеку — волк.

Моя хвостатая спутница сейчас со мной не пошла — будто чувствовала, что я иду туда, где её звериная осторожность не поможет.

Скоро я добралась до самого узкого перехода через речку. Покрытая тонким, еще ненадежным льдом, вода зловеще чернела в тех местах, где течение было быстрым. Я замерла на берегу, до боли в глазах всматриваясь во тьму. Стоит ли соваться? Мало ли кто там греется у печи...

Погода начала стремительно портиться. Страх перед замерзанием перевесил. Я осторожно перебралась на другой берег, проскользнула к чужому деревянному заборчику и затаилась, пытаясь расслышать хоть что-то за шумом ветра. Как назло, с темного неба густо посыпал крупный, липкий снег, скрывая и без того размытые силуэты.

Я попыталась поудобнее перехватить винтовку, чтобы заглянуть в щель забора, и вдруг что-то больно ткнулось мне в правый висок. Из-за плотного капюшона я не могла определить, ствол это или лезвие ножа. Но хриплый мужской голос над самым ухом не оставил места для размышлений:

— Не дергайся.

От этого голоса по спине продрал мороз. Я медленно, сантиметр за сантиметром, подняла руки, удерживая винтовку за ремень. Ствол в висок давил уверенно.

— Оружие на землю. Давай, — скомандовал чужак.

Пришлось подчиниться. Винтовка глухо завалилась в свежий снег. Незнакомец чуть отступил, заставляя меня развернуться к нему спиной к забору. В тусклом свете из окна я разглядела его лицо — серые уставшие глаза, седая борода, но далеко не старик. В руках у него был старый, но ухоженный дробовик. Мужчина окинул меня быстрым, оценивающим взглядом. Он сразу понял, что перед ним не случайная бродяжка.

— Откуда ты? — спросил он, не опуская ствола, но уже без прежней хриплой злости.

— Мне нужны спички, — тихо, но твердо ответила я, кивнув на его дымящую трубу. — Зажигалка отказала, печь топить нечем. Замерзаю. Я пришла одна, без злых намерений.

Мужчина нахмурился, явно взвешивая, стоит ли верить ночной гостье. Палец его по-прежнему лежал на спусковом крючке. Ошибиться не хотелось ни ему, ни мне.

И в этот момент из темноты за его спиной бесшумно мелькнула рыжая тень. Лисёна всё-таки пришла.

Она замерла на границе света и тени, припав к лапам.

Мужчина машинально вскинул дробовик на движение.

Лиса стремительно метнулась в сторону, описала короткую дугу и снова исчезла в снежной пелене. Через мгновение рыжий силуэт мелькнул уже с другой стороны.

Этого мгновения оказалось достаточно. Я рухнула вниз, ухватила винтовку и вскинула её раньше, чем незнакомец снова успел повернуться ко мне.

— Только попробуй выстрелить! — выдохнула я. — Ты уже не успел.

Мужчина замер, так и не решившись нажать на спуск дробовика. Он медленно опустил ствол. Посмотрел на меня, затем на тяжело дышащую Лисёну, и на его изможденном лице появилось крайнее изумление без капли страха.

— Первый раз такое вижу... — пробормотал он, всё ещё разглядывая лису. — Ручная что ли?

Я не опустила прицел, но адреналин в крови начал понемногу улетучиваться. Метель над головами разыгрывалась не на шутку. Снег валил стеной.

— Ладно. «Заходите в дом», — глухо сказал мужчина, кивнув на светящееся окно. — Там и разберемся. А то все тут околеем.

На удивление, в доме пахло настоящим жилым теплом — сухими березовыми дровами и сушеными травами. Лисёна дальше порога не пошла — свернулась калачиком у двери, а я, прежде чем сесть, привычно огляделась.

Хозяин оказался запасливым — сразу видно — не временщик, из бывших военных или егерей, и руки у него явно росли откуда надо. Небольшое пространство было использовано до последнего свободного угла, но без захламленности.

Под потолком висели связки сушеных трав и грибов, у печки ровными рядами стояли наколотые поленья, на стене — аккуратно развешанный инструмент. На полках теснились банки с соленьями, какие-то свертки, жестянки с крупой. Даже простенькая сушилка для промокших вещей над печью была собрана из обрезков проволоки и старых металлических трубок. Ничего лишнего, ничего случайного. Я вот, сколько ни пыталась, давно разучилась так обустраиваться — стоило осесть, как сразу заявлялись незваные гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.